

Чжоу Фэй поспешила к нему и спросила:

- Есть ли что-нибудь, чем я могла бы вам помочь?

Чун Сяоцзы ни с того ни с сего спросил:

- Юная барышня, вы когда-нибудь занимались теоретическими занятиями?

Вспомнив, как она сильно смутилась перед ним прошлой ночью, Чжоу Фэй втайне почувствовала небольшое облегчение – по крайней мере, никто из этих людей не знал, кто ее отец.

Единственное, что она унаследовала от Чжоу Итана, вероятно, была его внешность.

Чжоу Фэй ответила:

- Я немного училась раньше... кхм, но я не прилагала слишком много усилий и забыла большую часть этого. Но, по крайней мере, я все еще умею читать и писать.

Чун Сяоцзы любезно кивнул, затем вытащил рукописную копию «Дао Дэ Цзин»* откуда-то из-под своей мантии и протянул ей, сказав:

- У меня с собой нет ничего особенного, и это единственное, что не было изъято, когда меня схватили. Видя, как ты схватываешь всё налету, пусть это будет моим прощальным подарком тебе.

* Канон Пути и добродетели - основополагающий трактат даосского учения, его авторство приписывается Лао-цзы □□; время создания согласно традиции - V в. до н.э., по современным данным: IV—III вв. до н.э.

Чжоу Фэй пролиستала несколько страниц, и в каждой строчке находила фразу вроде «Путь то, путь это». Она мгновенно почувствовала головокружение, которое всегда поражало ее, когда она открывала толстые тома древней классики. «И чему я должна быстро научиться? – недоумевала она. - Как стать даосским монахом?»

- Старший, вы не пойдете с нами в город Хуажун? – вместо этого спросила она.

Чун Сяоцзы погладил свою длинную бороду, улыбаясь:

- У меня есть кое-какие личные дела, которыми нужно заняться, поэтому, боюсь, мы должны попрощаться здесь.

Любопытство Чжоу Фэй было задето, но она воздержалась от дальнейших расспросов, так как он ясно сказал, что это «личные дела», и было бы невежливо задавать вопросы старейшине. «Я желаю вам счастливого пути... и благодарю вас за ваш подарок», - только и сказала она.

Чун Сяоцзы поклонился на прощание группе вокруг него. После хорошего ночного отдыха все следы наркотика в его организме были полностью устранены. С мягким свистом он подпрыгнул в воздух и поплыл вперед, как лист на ветру, исчезнув в одно мгновение.

Спокойные манеры Чжан Чэньфэя скрывали дотошный ум. Глядя на удаляющуюся фигуру Чун Сяоцзы, его глаза сузились, и он тихо сказал: «Этот старший, похоже, человек большого мастерства, возможно, даже наравне с моей матерью. Как получилось, что он, как и все мы, так легко поддался этому дьяволу?»

В то время как «Вэнь Жоу Сань» был достаточно силен, чтобы усыпить лошадь, если внутренняя сила человека была достаточно развитой, говорили, что она могла временно подавить действие препарата. Даже если бы это было только на короткое время, разве этого, по крайней мере, не хватило бы, чтобы быстро сбежать?

Глаза Се Юня вспыхнули. У него было отличное чувство направления, и он был прирожденным проводником. Он сразу же понял, что Чун Сяоцзы направляется в сторону города Юэян. Старый монах, должно быть, слышал его разговор с Чжан Чэньфэем накануне вечером и, узнав, что Хо Цзя Бао может быть в беде, захотел поспешить туда, чтобы предупредить их. Большинство людей, собравшихся здесь, были захвачены Му Сяоцяо из-за их отказа подчиниться клану Хо, так что все добрые чувства, которые они, возможно, испытывали ранее к клану Хо, вероятно, давно исчезли. Поэтому Чун Сяоцзы не уточнил, что он намеревался сделать, а лишь назвал это «личным делом».

Сменив тему, Се Юнь сказал: «Теперь мы просто бывшие попутчики. Давайте больше не будем медлить и отправимся прямо сейчас». Он взглянул на Чжоу Фэй, которая, нахмутив брови, пристально смотрела на Дао Дэ Цзин в своей руке. Се Юнь похлопал ее по плечу и сказал: «Позаботься об этом хорошенько».

Чжоу Фэй убрала книгу, все еще совершенно сбита с толку. Возможно, старый монах просто не мог смириться с тем фактом, что она, казалось, не понимала даже основных фраз, и поэтому решил, что лучшим прощальным подарком, который он мог бы ей преподнести, была книга? Она подумала про себя: но тогда зачем ему давать мне Дао Дэ Цзин? Вероятно, ему следовало бы вместо этого дать мне «Троесловие».

* «Троесловие», или «Сань-Цзы Цзин», является самым известным классическим китайским текстом для детей. Его автор - Ван Инъян (1223-1296 гг.), живший во время династии Сун.

После хорошего ночного отдыха все восстановили большую часть своих сил, и в дороге передвигались намного быстрее. Они добрались до города Хуажун задолго до полудня. Хотя город был небольшим, в нем, по крайней мере, была гостиница, которая была практически раем на земле для этой группы бывших заключенных. Так случилось, что в этом городе также

был создан секретный пост 48 крепостей, что позволило Чжан Чэньфэйю и ученикам получить доступ к некоторым деньгам, а также к средствам отправки информации домой.

Чжоу Фэй увидела невысокого и худощавого мужчину средних лет, посетившего их гостиницу, который, вероятно, был одним из тех, кто занимал здесь тайную должность. Он также встретился с госпожой У, низко поклонившись ей и выразив свое почтение. Хотя он казался худосочным, его глаза были яркими. «Опытный связист», – решила Чжоу Фэй, хотя вряд ли видела раньше хоть одного представителя подобной профессии. Он лишь ненадолго задержался в их гостинице перед отъездом, очевидно, чтобы заказать для них лошадей и экипаж.

Чжоу Фэй наконец-то смогла поесть горячей еды и переодеться в чистую одежду. Сначала она набила щеки, как хомяк, пока не смогла проглотить ни кусочка, а затем вернулась в свою комнату, чтобы принять горячую ванну. Чувствуя себя совершенно комфортно внутри и снаружи, она удовлетворенно легла на кровать. Массируя ноющие мышцы и суставы, она решила, что уходить из дома действительно тяжело и совсем не весело. Немного повалявшись на кровати, она нащупала в своих одеждах книгу, которую дал ей странный монах. Она начала с первых нескольких строк, намереваясь, по крайней мере, разобраться в этом, но быстро заснула мертвым сном.

Когда ее разбудил быстрый стук в дверь, был уже вечер.

Се Юнь побрился, умылся и переоделся, и даже сумел раздобыть веер, которым теперь вызывающе постукивал в руке, выглядя как мошенник в облике дворянина. Дверь открылась, и за ней появилась Чжоу Фэй, которая все еще протирала сонные глаза. Ее щеки были залиты редким красным румянцем, и она выглядела почти уязвимой.

Взгляд Се Юня незаметно скользнул по ней с головы до ног, и его голос смягчился, когда он спросил:

- Я видел, как брат Чжан послал кого-то передать письмо, вы все вернетесь домой в ближайшие несколько дней?

Чжоу Фэй потерла глаза и ответила:

- Мы ушли с единственной целью найти шисюна Чэньфэй, госпожу У и остальных. Теперь, когда мы нашли их, самое время вернуться – хотя я надеюсь, что этот идиот Ли Шэн каким-то образом сумел самостоятельно доползти до дома.

Мгновение назад Се Юнь думал, что она выглядит нежной и даже очаровательной, но несколько ее слов быстро разрушили эту иллюзию.

Он драматично вздохнул про себя. Это было прискорбно: у бегоний не было аромата, а у роз было много шипов – эта красавица на самом деле была большой бандиткой! Если бы только она

была немой!

Быстро отказавшись от своего мягкого тона, Се Юнь лениво прислонился к дверному косяку, сказав с некоторым удивлением:

- Тогда, боюсь, я не смогу сопровождать вас всех. Как ты думаешь, твоя мать снова попытается завладеть моей головой, если я лично доставлю твою новую саблю в 48 крепостей?

- Вероятно, нет, - ответила Чжоу Фэй. - В любом случае, у меня нет второго отца, которого ты мог бы похитить.

Се Юнь не знал, смеяться ему или плакать.

Затем Чжоу Фэй спросила:

- Эй, брат Се, почему твой цингун так хорош, но ты, кажется, не можешь делать ничего другого?

Се Юнь выгнул бровь:

- Кто сказал, что я не могу делать ничего другого? Я могу накалять сталь, чтобы ковать оружие, и я также...

- Сочиняешь маленькие частушки, - закончила за него Чжоу Фэй.

- Эх, я думаю, ты мало что знаешь о мире, - проницательно сказал Се Юнь. - Говорят, что «песни во времена нестабильности стоят столько же, сколько драгоценности во времена процветания». Чем сложнее жизнь, тем более прибыльными становятся песни и пьесы, гораздо более прибыльными, чем ковка мечей – я приложил столько усилий, чтобы выковать хорошее оружие, только для того, чтобы, в конце концов, мой клиент умер. К кому я могу обратиться, чтобы получить свою плату сейчас? Что касается боевых искусств, у меня нет грандиозных амбиций править миром, поэтому мне лишь нужно знать достаточно, чтобы выжить.

Чжоу Фэй не могла верить своим ушам – то, что он считал свою склонность убегать при малейшем намеке на неприятности «достаточной, чтобы выжить», было для нее совершенно нелепым.

- Ну, я больше не буду отнимать у тебя время – по дороге сюда я видел лавку ростовщика, в которой может найтись подходящее для тебя оружие. Позволь мне выбрать что-нибудь, что может компенсировать то оружие, что ты сломала в долине, - с этими словами он отбросил веер в сторону и неторопливо зашагал прочь, все время напевая.

Чжоу Фэй была уверена, что жизнь с таким человеком станет испытанием самых пределов человеческого терпения и великодушия. Она стояла у двери, безуспешно пытаясь подражать беззаботному насвистыванию Се Юня, пока у нее не заболели щеки. В этот момент дверь соседней комнаты со скрипом отворилась. У Чучу неуверенно прислонилась к дверному косяку для поддержки, ее лицо сморщилось от боли, а на лбу выступил холодный пот. Она крикнула:

- Барышня... Барышня Чжоу.

Пораженная ее внешним видом, Чжоу Фэй спросила:

- Ты в порядке?

У Чучу выглядела так, словно она мужественно пыталась что-то сдержать, пока ее лицо не стало ярко-красным от напряжения. Наконец, она прошептала:

- Ну, тут такое дело...

- Какое?

У Чучу слегка наклонилась, положив руку на живот, и Чжоу Фэй, наконец, поняла:

- Ах... это... у тебя... эм... болит живот?

Вполне нормально, что месячные у маленьких девочек были довольно непоследовательными и болезненными, и это, вероятно, усугублялось длительным пребыванием хрупкой и беспокойной барышни У в холодной и сырой тюремной камере. Осознав это, Чжоу Фэй обнаружила, что совершенно неспособна надеть свою прежнюю маску бравады, и немного беспомощно огляделась вокруг. Она прошептала в ответ:

- Тогда что нам делать? Должны ли мы... должны ли мы попросить твою мать о помощи?

Голос У Чучу превратился в почти неразличимый шепот:

- Мама простудилась и сейчас отдыхает.

О боже, эти мать и дочь были болезненной парой.

Чжоу Фэй понятия не имела, как справиться с такой ситуацией, но она была единственной девушкой во всей этой гостинице, и поэтому юная барышня У могла рассчитывать только на ее помощь. У нее не было выбора, кроме как усадить У Чучу, положить руку ей на спину и попытаться направить немного своей ци* в тело девушки – но она не осмеливалась

использовать слишком много силы, так как У Чучу никогда раньше не практиковала боевые искусства, и ее меридианы были хрупкими.

* согласно традиционной китайской медицине, ци является самым основным веществом, которое поддерживает деятельность человеческого организма. Жизненная сила человеческих существ полностью зависит от ци. В уся люди могли направлять свою ци в других, чтобы дать им силу или исцелить.

Тепло от рук Чжоу Фэй несло с собой приятные ощущения, и щеки У Чучу немного порозовели. Но спустя совсем короткое время боль снова началась в полную силу.

Чжоу Фэй попробовала проделать то же самое два или три раза и, поняв, что боль лишь немного утихает, когда тепло передаётся телу У Чучу, сказала:

- Похоже, это не работает. Почему бы мне не отвести тебя к врачу?

У Чучу кротно кивнула головой. Поскольку Чжоу Фэй только что закончила направлять в нее ци в третий раз, она чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы выйти вместе с ней.

Молодые девушки этого возраста неизбежно были довольно застенчивы в таких делах, и поэтому двое на цыпочках, как воры, вышли из гостиницы, изо всех сил стараясь избежать необходимости объяснять, почему им нужно выйти на улицу. К сожалению, они всё равно столкнулись с этим раздражающим шисюном Чжан Чэньфэем.

И, конечно же, он должен был спросить:

- Куда вы, девочки, направляетесь?

Голова У Чучу в смущении склонилась почти до груди, так что Чжоу Фэй пришлось вызывающе сказать:

- На улицу.

Чжан Чэньфэй строго посмотрел на нее:

- Не страшно, что ты бегаешь на улице одна, но зачем ты берешь с собой барышню У?

Чжоу Фэй: «...»

- Я... я тоже хотела выйти, - пробормотала У Чучу.

Чжан Чэньфэй не мог по-настоящему отчитать эту молодую барышню, которая была гостьей 48 крепостей, поэтому сказал:

- Хорошо, хорошо, но не уходите далеко. И вы должны вернуться до того, как стемнеет.

Две девушки быстро кивнули в знак согласия и практически выскочили за дверь. Но как раз перед тем, как они исчезли из его поля зрения, Чжан Чэньфэй крикнул им вслед:

- Фэй, подожди минутку!

Чжоу Фэй покорно обернулась, простонав:

- Да, старая матушка Чжан?

У Чучу не смогла сдержать тихий смешок.

Чжан Чэньфэй проворчал:

- У тебя вообще есть при себе деньги? Эй! Я говорю с тобой, юная барышня, как ты смеешь вот так убегать?

Чжоу Фэй уже тащила У Чучу за дверь на оживленную улицу, пытаясь уйти как можно дальше от придирок Чжан Чэньфэя.

Только позже она подумает: если бы только она не так спешила уйти.

<http://tl.rulate.ru/book/33015/2009469>